

Н. Н. ГЛУБОКОВСКИЙ,

Заслуженный Ординарный Профессор Императорской
Петроградской Духовной Академии.

**ПРАВОСЛАВНОЕ
РУССКОЕ БѢЛОЕ ДУХОВЕНСТВО**

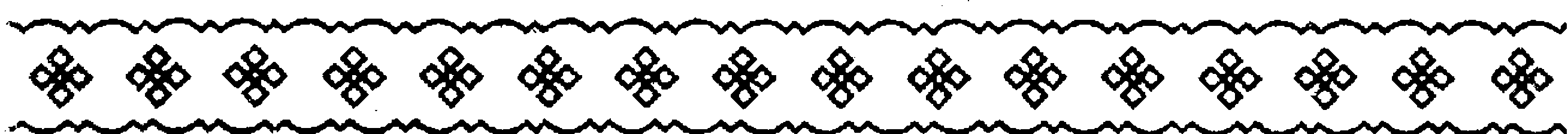
ПО ЕГО ПОЛОЖЕНІЮ И ЗНАЧЕНІЮ ВЪ ИСТОРИИ.

РѢЧЬ.



**ПЕТРОГРАДЪ.
Синодальная типографія.
1917.**

Дозволено военною цензурою. Петроградъ, 2 февраля 1917 г.



Православное русское бѣлое духовенство по его положенію и значенію въ исторіи.

Рѣчь, сказанная въ воскресенье 30 октября 1916 года въ собраніи учредителей «Всероссійскаго Общества попеченія мирянъ о нуждахъ священнослужителей Православной Церкви и ихъ семей» *).

Есть вещи, явленія и вліянія, которыя настолько необходимы для бытія, что совершенно не замѣчаются, такъ какъ послѣднее безъ нихъ невозможно и невысказано. Къ сожалѣнію, подобныя жизненные факторы слишкомъ часто забываются и попираются. Къ этой категоріи въ полной и горькой мѣрѣ принадлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ и наше православное духовенство, одинаково великое и своими службами и своими нуждами. Его миссія въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ задачами самой Церкви и неотдѣлима отъ нея, ибо христіанское преобразование всего нашего существа и строя посредствуется въ мірѣ обязательнымъ участіемъ богоустановленнаго священства. При такомъ необъятномъ расширеніи даннаго вопроса мы по необходимости должны ограничить свою рѣчь лишь принципиальными сторонами и главнѣйшими пунктами.

Христіанство, возрождая человѣка, благодатно соединяетъ насъ до нерасторжимости съ Господомъ Искупителемъ и чрезъ Него, какъ едиnorodнаго Сына Божія, усыновляетъ Богу

*) Это Общество учреждается въ Петроградѣ, но распространяетъ свою дѣятельность на всѣ губерніи и области государства Россійскаго. Оно имѣетъ цѣлю оказаніе помощи нуждающимся священнослужителямъ Православной Русской Церкви и ихъ семьямъ. Для достиженія своей цѣли Общество: а) устраиваетъ убѣжища, для помѣщенія въ нихъ, съ полнымъ содержаніемъ, наиболѣе нуждающихся, по многосемейности, престарѣлости, дряхлости или болѣзненному состоянію, священнослужителей и семей ихъ; б) устраиваетъ для больныхъ санаторіи; в) выдаетъ постоянныя или единовременныя, а также вещевыя пособія; г) учреждаетъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ стипендіи для сиротъ духовенства; д) выдаетъ многосемейнымъ пособія на обученіе и воспитаніе дѣтей; е) оказываетъ помощи нуждающимся и разными другими зависящими отъ него способами.

Отцу, а потому вѣрующіе, будучи чадами Божиими по благодати, оказываются фактически и братьями между собою. Тут личное облагодатствованіе бываетъ безусловно неразлучнымъ отъ тѣснѣйшаго братскаго общенія всѣхъ оправданныхъ по ихъ всецѣлому равенству во Христѣ Іисусѣ.

По этимъ двумъ линіямъ—личнаго и общаго—и дѣйствовала всегда на Руси православная Церковь черезъ духовенство отъ начала до нашихъ дней.

Ея ближайшимъ поприщемъ была человѣческая совѣсть, гдѣ она водружала свѣтильникъ Христова сіянія и помогала видѣть и побѣждать всякій мракъ внутри и вовнѣ. Этотъ таинственный процессъ сокровеннаго благодатнаго обновленія всякой души христіанской уже на первыхъ порахъ больше всего способствовалъ на Руси духовному возобладанію и надъ языческою суетностію и надъ человѣческою низменностію съ идеалами земного благополучія и деспотическаго господства по произволу грубой силы. И вотъ среди этихъ мрачныхъ условій русской примитивности Церковь—по красочному выраженію проф. В. О. Ключевского—самую смерть дѣлала строительницею человѣколюбиваго людскаго общежитія и нотаріальную контору превращала въ притворъ храма Божія.

А достигалось это тѣмъ, что христіански претворялись и возвышались отдѣльныя личности. Для древнѣйшаго періода нашей исторіи отмѣтимъ лишь одну конкретную сторону. Церковь застала и приняла Русскихъ, когда они—по древнѣйшему лѣтописцу—«звѣринымъ обычаемъ жывяху» и еще въ XII вѣкѣ далеко не вполне избавились отъ сего, судя по вопрошанію Кирика. Въ нихъ господствовала совершенная неразборчивость, и—какъ свидѣтельствуешь одинъ памятникъ съ именемъ св. І. Златоуста (у † проф. А. И. Пономарева, Памятники III, стр. 239)—люди «кумирскую жертву ядятъ, и кровь и удавленнику, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтоно». Церковь сразу повела рѣшительную борьбу противъ этихъ «звѣриныхъ» пристрастій и устами архіеп. Новгородскаго Іліи призывала къ апостольско-соборному требованію (Дѣян. XV, 29) храниться «отъ кровояденія и отъ мертвчѣны и отъ давленныи и отъ блуда», запрещая въ своихъ эпитимійныхъ предписаніяхъ всякое сквернояденіе—вѣверчины или вѣ(е)кшины.

удавленины, молозива (перваго молока послѣ родовъ), медвѣдины, бобровины и т. п. Все убѣждаетъ, что къ XIII—XIV столѣтію былъ постепенно упроченъ въ этой области существенный успѣхъ, а едва ли можно сомнѣваться въ его важности, разъ этимъ путемъ лѣсной дикарь съ «звѣринными» привычками превращался въ исполнителя церковныхъ уставовъ, соблюдающаго заповѣди Господни, и фактически становился человѣкомъ христіанской жизни во всѣхъ своихъ влеченіяхъ, настроеніяхъ и отправленіяхъ.

Это была великая побѣда устроенія народнаго быта на каноническихъ завѣтахъ, но—подъ покровомъ Церкви православной—она достигалась въ особенности трудами простого духовенства чрезъ христіанское преобразование каждаго изъ всѣхъ вѣрующихъ людей. Естественно тогда, что дальше оказываются возможными между ними и чисто христіанскіе союзы. Въ этомъ направленіи Церковь, сокрушая на Руси родовой строй обособленія и враждебности, завязываетъ новыя связи человѣческихъ отношеній въ интимной области брака, утверждаетъ и освящаетъ семейную жизнь на новыхъ основахъ христіанскаго общенія, гдѣ всѣ внѣшнія разности поглощаются взаимнымъ слияніемъ душъ. Понятно, что съ облагороженіемъ семейной сферы, являющейся истиннымъ призваніемъ и славнымъ царствомъ женщины, обеспечивается внутреннее достоинство въ свѣтлыхъ образахъ жены и матери, которыя—по сужденію Ключевскаго же—обязаны преимущественно Церкви, ея проповѣди, ея законодательству во всемъ, чѣмъ онѣ дороги намъ и дорожать сами. И это постигнѣ такъ, потому что на Руси искони господствовалъ и упорно держался уничижительный взглядъ на женщину, которая крѣпче была привязана къ языческому суевѣрію и труднѣе покидала его. Правда, подъ византійскими отраженіями здѣсь иногда слишкомъ выдвигались аскетическіе взгляды, но послѣдними питалось и поддерживалось чувство идеальной семейной чистоты въ самыхъ влеченіяхъ плоти, которыя должны въ своихъ функціяхъ служить цѣлямъ царства Божія на землѣ въ умноженіи чадъ Божіихъ. И наряду съ этимъ, именно бѣлое духовенство было хранителемъ незыблемыхъ семейныхъ началъ и носителемъ единобрачной святости, не рѣдко

сь самыми трагическими испытаніями, какъ оно соблюло намъ и наиболѣе чистую русскую кровь.

Черезъ семью Церковь сразу пошла противъ всякаго обособленія и устремилась къ водворенію единства во всемъ. Въ гражданско-соціальной области она подавляла холопскую неволю христіанскимъ признаніемъ, что «всѣ Божіи и царицы государевы люди», и изъ обломковъ разнородныхъ жизненныхъ крушеній устроила новые внѣсословные союзы ради религіозно-нравственныхъ цѣлей и по мотивамъ состраданія и милосердія, принявъ на себя отвѣтственный трудъ «установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа», по выраженію митр. Иларіона. Такъ открывается здѣсь великая государственная миссія Церкви по созиданію Русскаго царства. Еще препод. Несторъ Лѣтописецъ удостовѣрялъ фактъ сліянія разныхъ племенъ древней Руси въ «единъ языкъ, крестившійся во единого Христа», — и, утверждаясь на немъ, Церковь достигала того, что уже нашъ первый паломникъ, благочестивый игумень Даніиль (въ началѣ XII вѣка) имѣлъ утѣшеніе возглаголюя при гробѣ Гробѣ Господнемъ «лампаду съ елеемъ отъ всей земли Русской». Въ удѣльно-вѣчевой періодъ раздоровъ и усобицъ Церковь могущественно ослабляла неудержимую центробѣжность миромъ Христовымъ и на этомъ фундаментѣ закладывала прочныя основы широкаго внѣшняго объединенія. Нельзя отрицать тутъ сопричастія многихъ политическихъ и иныхъ историческихъ факторовъ, но если гражданское «собраніе» Руси увѣнчалось благословеннымъ успѣхомъ, то случилось это — главнѣе всего — потому, что собранное находило для себя живительную почву въ духовномъ единствѣ, проникавшемъ cadaго уже единеніемъ церковно-славянскаго языка, національно сплачивавшаго и роднившшаго всѣхъ подъ покровомъ единой и святой матери — Церкви. Лишь при этомъ условіи внѣшній конгломератъ слагался въ стройное зданіе живого, одухотвореннаго политическаго организма. Но — по самому существу своему — послѣдній немислимъ безъ средоточнаго и заправляющаго главенства, почему естественно и безспорно, что Церковь указала и осватила единоедержавіе, создавшее великое и славное, во вѣки непобѣдимое Русское государство, крѣпкое силою Божіей. И въ недавніе печальные дни

внутренней смуты счастливому умиротворенію много помогли христіанскія воздѣйствія пастырскихъ наставленій, усмиряя буйные порывы взволнованныхъ массъ и подавляя тенденціи тогдашнихъ и деологовъ и фанатиковъ Вавилонскаго столпотворенія...

Во всѣхъ этихъ достойныхъ подвигахъ духовенство наше не выдвигается впередъ, поглощаясь вліяніемъ Церкви и всецѣло раздѣляя ея судьбу, но это и свидѣтельствуешь больше всего о томъ, что оно всегда дѣйствовало не своими ограниченными человѣческими средствами и съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ водилось божественною мощію, которая совершалась даже въ самомъ униженіи его. И коль скоро «у Русскихъ — по наблюденію одного проникновеннаго иностранца (Леруа Болье) — невозможно отдѣлять понятіе Церкви отъ понятія отечества», — этимъ мы особенно обязаны нашему простому духовенству, внѣдрившему такія начала въ плоть и кровь русскаго народа. Въ немъ государственность взлелѣяна Церковію, а Церковь оплодотворяла черезъ духовенство. Натурально, что значеніе ихъ обоихъ ярче выдѣляется въ критическіе моменты государственнаго бытія. При татарщинѣ вся русская независимость сосредоточивалась собственно въ правахъ Церкви, оберегавшей и питавшей ростки государственнаго возрожденія и крестившей его для лучшей жизни на Куликовомъ полѣ. Порабощенный русскій народъ какъ бы пересталъ существовать въ качествѣ самостоятельной націи — съ опасностію совсѣмъ потерять надежду на самую возможность своего государственнаго воскресенія; однако продолжалъ сохраняться своею несокрушимою самобытностію въ нѣдрахъ православной Церкви, воспитывавшей къ обновленному торжеству. Недаромъ же незабвенный Н. М. Карамзинъ сказалъ, что «въ два столѣтія, ознаменованныхъ духомъ рабства, вѣра (христіанская) удержала насъ на степени людей, гражданъ, не дала окаменѣть сердцамъ, ни умолкнуть совѣсти; въ униженіи имени *русскаго* мы возвышали себя именемъ *христіанъ* и любили отечество, какъ *страну православія*».

А въ періодъ гибельныхъ смуть еще болѣе опаснаго лихолѣтя Русь не рассыпалась совершенно и не была поглощена иноземщиной исключительно потому, что вмѣстѣ со Смоленцами не забывала спасительнаго исповѣданія: «братія есми

и сродницы, понже отъ купели святыя и крещеніемъ породихомся и обѣщавомся вѣровати во Святую и Единосущную Троицу, Богу живу и истинну». И это памятованіе и его пробужденіе справедливо усвоятъ духовенству, въ которомъ тогда—по замѣчанію Карамзина—«особенно сіяла доблесть». Конечно, это отличіе простиралось на высшую епархію и на инокество во главѣ съ древнѣйшимъ храмомъ свободы въ Сергіевой Лаврѣ, но участіе благаго духовенства несомнѣнно даже въ отдѣльныхъ выдающихся личностяхъ, если по поводу извѣстныхъ призывныхъ патріотическихъ грамотъ говорится о препод. Діонисіи и попѣ Насѣдкѣ, что «и всяка ночь день имъ баше». А народныя массы, отстаивавшія русскую государственность наряду съ Ляпуновыми, Миниными и Пожарскими, имѣли для себя единственныхъ вдохновителей въ своихъ народныхъ же, сельскихъ пастыряхъ. И Н. И. Костомаровъ внушительно заявляетъ, что въ эту жестокую пору Русской исторіи «духовенство главнымъ образомъ боролось съ врагами вѣры и отечества, что ему главнымъ образомъ и принадлежитъ та заслуга, что—съ одной стороны—православіе Русскихъ въ это время осталось цѣлымъ, а съ другой—и государство Русское осталось навсегда независимымъ, самостоятельнымъ».

Въ свою очередь Отечественная война разрѣшилась для Россіи ко всемірной славѣ и пользѣ въ силу того, что при пораженіи самаго сердца ея съ утратою столицы не была потеряна вѣра. Именно она (—по словамъ Высочайшаго манифеста 25 декабря 1812 г.—) сплотила всѣхъ въ «единую душу,—душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовію къ отечеству, колико и любовію къ Богу», но такія «побѣдительныя» силы патріотическаго героизма почерпались въ православно-религіозныхъ источникахъ народнаго духа, воспитаннаго народнымъ пастырствомъ. Посему и въ изданной,—по изгнаніи непріятели,—4 августа 1813 г. благодарственной окружной грамотѣ Св. Синодъ «изволеніемъ Благочестивѣйшаго Самодержавнѣйшаго Великаго Государя Александра Павловича восписуетъ и свидѣтельствуется всему Православному Духовенству Россійскому благоволеніе и честь и благодареніе».

То же видимъ и нынѣ среди кроваваго сумрака бранныхъ потрясеній и испытаній. Когда гордый своею показною цивили-

лизаціей врагъ нашъ быстро превратился въ жестокаго перво-бытнаго тевтона и выдвинулъ демонически изощренныя средства культурнаго дикаря, — нашъ воинъ противопоставилъ этому варварству лишь несокрушимую силу духа, великаго на землѣ и подь небомъ, на морѣ и подь водою — по своей христіанской самопреданности ради поруганной родины и во имя господства правды Божіей во всемъ мірѣ. Отъ его лица непроходимыя горы таютъ, какъ воскъ, и неприступныя твердыни разсѣваются точно туманъ. Кто даетъ этому смиренію такую чудодѣйственную мощь — кромѣ православной вѣры Христовой, насаждаемой и укрѣпляемой по Святой Руси достойными пастырями нашими? Кто простого поселянина дивно преображаетъ въ неодолимаго героя, какъ не сельскій батюшка, воспитавшій въ немъ крѣпость Христова самопожертвованія и славнаго торжества? Въ громахъ побѣдъ нашего несравнимаго воинства намъ слышится тихое, но истинно зиждительное вѣяніе и побѣждающаго съ нимъ скромнаго духовенства нашего, искони бывшаго животворящею силой русскаго народа. И мы знаемъ, что военные священники сами ходатайствовали, чтобы — для наилучшаго пастырскаго воздѣйствія и собственнаго соучастія — ихъ заблаговременно предупреждали о предстоящихъ бояхъ, наступленіяхъ и другихъ важныхъ моментахъ военныхъ операцій, о результатахъ же этой духовной работы — изъ устъ Предсѣдателя Государственнаго Совѣта (въ засѣданіи 22 іюня 1916 г.) мы слышали, что наши сказочные витязи были еще «увлекаемы примѣромъ своего безстрашнаго духовенства», не рѣдко жертвовавшато своею жизнію съ истиннымъ героизмомъ воиновъ Христовыхъ.

Настоящее служить яркою печатію для всего прошлаго и своею неотразимою очевидностію дѣлаетъ излишними дальнѣйшія рѣчи о неоцѣненныхъ заслугахъ православнаго пастырства нашего. Въ послѣднемъ, конечно, должна быть особо упомянута правящая іерархія, на первыхъ порахъ Русской исторіи всецѣло доминировавшая, однако и не безусловно успѣшная именно потому, что она не была тогда народною. Вообще же нужно признать, что всѣ внѣшнія церковныя предначертанія бываютъ жизненными факторами и распространяются до самыхъ краевъ и глубинъ Россійскаго океана собственно чрезъ бѣлое духовенство, всюду вносящее свѣтъ Христовъ въ его

непосредственномъ живительномъ примѣненіи. Безъ него церковное руководство могло бы оставаться лишь высокою проповѣдію, между тѣмъ христіанство есть жизнь благодатнаго оживотворенія каждой человѣческой личности. Не забываемъ мы и о нашемъ иночествѣ, подвижнически водворявшемъ у насъ христіанскую культуру, но оно является хранителемъ христіанской энергіи, а воплощеніе ея въ средѣ всего русскаго народа доселѣ совершается спасительными трудами простого блага духовенства, истинно святого въ своемъ служеніи, хотя и обойденнаго во святыхъ. Съ этой стороны ему по преимуществу принадлежитъ великая честь воспитанія яснаго даже иностранцамъ (Леруа Болье) внутренняго сродства между Евангеліемъ и русскою душой чрезъ приобщеніе и внѣдреніе православія, въ которомъ еще Лѣтописецъ привѣтствовалъ «свѣтлую зарю счастья Россіи». Русскій народъ внутренне сочетался съ православною Церковію и чрезъ нее «принялъ въ свою суть Христа и Его ученіе», какъ свидѣтельствуемъ нашъ гениальный писатель Ф. М. Достоевскій, но здѣсь наибольшее вліяніе принадлежало нашему бѣлому духовенству. Именно оно всегда стояло ближе всѣхъ къ совѣсти народной и прививало къ ней христіанскія начала истины, любви и вѣры, живя неразрывно отъ народа, почему способствовало всѣмъ его гражданскимъ успѣхамъ, какъ понынѣ имъ же часто спасалась и наша національная самостоятельность среди жестокихъ испытаній. Во время польскаго мятежа наше духовенство много помогало успѣху Русскаго торжества и неизмѣнно оставалось хранителемъ правъ неразрывнаго съ нимъ русскаго народа, а при освобожденіи крестьянъ, сопровождавшемся немалыми осложненіями, было истиннымъ миротворцемъ, счастливо оберегавшимъ зарожденіе и насажденіе русской народной свободы. Даже въ томъ, что особенно порицается въ немъ человѣческимъ осужденіемъ, — безспорны огромныя заслуги нашего духовенства. По его инициативѣ возникла организованная борьба съ тяжкимъ недугомъ пьянства и по его благотворному участію стала распространяться трезвость. Духовенство подняло свой голосъ противъ этого губительнаго зла еще при господствѣ всесильныхъ откуповъ и не умолкало со своимъ оживляющимъ протестомъ, не смотря на рѣшительныя предупрежденія Оберъ-Прокурору свыше,

что «совершенное запрещеніе горячаго вина посредствомъ сильно дѣйствующихъ на умы простаго народа религіозныхъ угрозъ и клятвенныхъ обѣщаній не должно быть допускаемо»...

Не безъ дефектовъ протекаетъ и исполняется это отвѣтственное служеніе духовенства русскаго, а мы слишкомъ склонны преувеличивать грѣхи, недостатки и немощи, не различая вольныхъ отъ невольныхъ, падающихъ на самихъ обличителей. Не будемъ ни отрицать, ни полемизировать и напомнимъ только торжественное удостовѣреніе одного авторитетнаго русскаго мірянина. На празднествѣ 900-лѣтія крещенія Руси К. П. Побѣдоносцевъ говорилъ: «Кто знаетъ тяжкія условія быта, въ коихъ живетъ и дѣйствуетъ наше духовенство, особливо сельское,—у того слово суда, готовое для недостойныхъ, умолкнетъ предъ величіемъ подвига, совершаемаго многими, безвѣстно труждающимися посреди пустынь, лѣсовъ и болотъ необъятной Россіи въ великой нуждѣ, въ холодѣ, въ голодѣ, въ нищетѣ и не рѣдко въ обидѣ. Легіоны этихъ тружениковъ стоятъ уже молитвенниками предъ Богомъ,—и на ихъ костяхъ стоитъ наша Церковь. Но и нынѣ сколько живущихъ, подобно имъ, безвѣстно трудятся надъ ея созиданіемъ! Слава и честь духовенству нашему, и да умножить ему благодать Божія и крѣпкую силу вѣры, и чувство любви и жалости для учительства словомъ и дѣломъ!»

Такова неліцемерная истина. Но наряду съ этими святыми пожеланіями и свѣтлыми упованіями необходимы убѣжденное призваніе и активное вниманіе. Безпристрастный въ этомъ случаѣ свѣтскій авторъ (Н. В. Елагинъ) заявлялъ, что «наше духовенство есть самое лучшее во всемъ мірѣ», а одинъ иностранецъ (англиканскій епископъ Лесли въ «Новомъ Времени» № 14485 за 4 іюля 1916 г.) еще недавно спрашивалъ всѣхъ русскихъ людей: «цѣните ли вы достаточно ваше несравненное духовенство?» И по всей совѣсти приходится отвѣчать, что его фактическое положеніе совершенно не соответствуетъ этому неотъемлемому достоинству. Заслуги духовенства легко забываются и прямо отрицаются, и оно само чаще привижалось до уровня обиженнаго и оскорбленнаго. вмѣстѣ со свѣтомъ Христовымъ духовенство было и насадителемъ всякаго знанія, которое началось, развилось и утвердилось у насъ именно благодаря ему. Приснопамятный святитель Фила-

реть, митрополитъ Московскій, свидѣтельствовалъ, что «со времени принятія христіанства и до настоящаго времени русскій народъ не имѣлъ другихъ учителей, кромѣ духовенства, т. е. служителей православной Церкви, устами которой они и учили. Духовный отецъ, испытующій своихъ прихожанъ, поучающій ихъ въ храмѣ, освящающій ихъ таинствами, молящійся съ ними во всѣхъ важнѣйшихъ торжественныхъ случаяхъ жизни, принимающій самое близкое участіе въ ихъ скорбяхъ и радостяхъ, былъ и есть самый естественный учитель и начальникъ сельскаго училища. И что духовенство (или въ лицѣ его православная Церковь) оправдало призваніе наставленіемъ народа, — тому доказательствомъ служить вся русская исторія. Онъ перенесъ трудныя времена княжескихъ междоусобій, татарскаго ига, самозванцевъ и борьбы съ поляками, а потомъ съ французами; онъ великодушно подчинился преобразовательному перелому начала XVIII вѣка и заслужилъ удивленіе сдержанностію своею послѣ объявленія ему Положенія 19 февраля 1861 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, въ теченіе 900 лѣтъ, онъ имѣлъ для всей своей массы одно училище — Церковь, былъ руководимъ однимъ учителемъ — духовенствомъ». Всякое образованіе и вся наука произошли у насъ изъ этого первоисточника, которымъ много питаются понынѣ до самыхъ глухихъ уголковъ нашего отечества, — и тѣмъ не менѣе даже самыя права этого рода у него оспариваются рѣшительно или отвергаются оскорбительно, а духовная школа сверху и до низу держится въ стѣснительномъ загонѣ и слишкомъ достаточной приниженности во всѣхъ отношеніяхъ. Возвышеніемъ христіанской личности cadaго и облагороженіемъ нравовъ духовенство наиболѣе способствовало огражденію всеобщаго достоинства всѣхъ классовъ на Руси, ему же самому выпала «печальная доля смиренія и униженія», какъ съ убѣжденною грустію констатируетъ знатокъ и историкъ этого предмета проф. П. В. Знаменскій. Даже по сравненію съ монашествомъ, бывшимъ въ теченіи всей древней исторіи классомъ почитаемымъ, привилегированнымъ и обезпеченнымъ, — приходское духовенство оставалось тяглымъ сословіемъ, безправнымъ, угнетеннымъ нуждою и вообще многострадальнымъ. По Уложенію 1649 г. повелѣвалось подвергать нещадному правезу

всѣхъ членовъ блага духовенства наравнѣ съ мірянами, но безчестіе духовныхъ лицъ оцѣнивалось пятью рублями, какъ въ XVII вѣкѣ взыскивали за безчестіе черемиса или мордвина и за убійство хозяйской собаки, почему въ челобитной 1658 г. Алексѣю Михайловичу говорилось, что тогда «похвальнымъ словомъ у небожащихъ Бога дворянъ и боярскихъ дѣтей стало: бей попа, чѣ собаку, да кинь пять рублей». Гражданская подавленность духовенства была столь привычною и признавалась до того нормальною, что даже при Екатеринѣ II приходилось защищать духовное сословіе отъ причисленія къ мѣщанству — безъ всякихъ мѣщанскихъ выгодъ, — хотя и потомъ долго-долго выходъ изъ него былъ открытъ лишь въ податное состояніе, да въ солдаты. Только при Александрѣ I (по указу 22 мая 1801 г. и подтвержденію 1808 г.) священнослужители и ихъ семейства выдѣлялись изъ массы «подлаго народа», но еще митр. Платонъ больно чувствовалъ и горько оплакивалъ жалкую долю духовенства, громко заявляя: «мы на землѣ бесполезное бремя..., даже вредное бремя». Изъ устъ великаго преобразователя Россіи раздалось жестокое слово, что «многому злу корень старцы и попы», — и этотъ обидный укоръ тяготеетъ до сего дне, если современные іереи чувствуютъ себя такъ, «будто за ними значится какое-то древнее преступленіе предъ народомъ, за которое и совершается имъ [мщеніе изъ рода въ родъ]» (Свящ. А. К. *Рождественскій*, Тягостное положеніе православнаго духовенства и отношеніе къ нему Государственной Думы, Ярославль 1913, стр. 4). Литература ничуть не способствовала измѣненію этихъ настроеній. Властитель думъ своей эпохи, — извѣстный критикъ В. Г. Бѣлинскій относился къ духовенству съ крайнимъ пессимизмомъ, а когда Н. В. Гоголь открыто выразилъ къ нему свои симпатіи, провозгласивъ, что православная «Церковь... какъ бы снесена прямо съ неба для русскаго народа», — этого гениальнаго художника нашего объявили не только утратившимъ талантъ, но и лишившимся здраваго разума. Даже понынѣ господствуетъ тенденціозное пристрастіе изображать духовенство непременно съ призвуками пренебреженія или ироніи, а не рѣдко и въ тонѣ еще болѣе обиднаго снисхожденія и соболѣзнованія. Въ обществѣ меркнетъ идеаль истиннаго пастыря, авторитетнаго

руководителя и просвѣщеннаго совѣтника въ вопросахъ ума и совѣсти. И теперь многіе категорически отвергаютъ науку и культуру для пастырства нашего, безпечально вздыхая и усердно стараясь о томъ, чтобы батюшки были поспѣе и попроще, хотя именно здѣсь простота хуже всякаго воровства, ибо граничить съ высшею степенью святотатства и поруганія святыни. Матеріальное обезпеченіе духовенства всегда было случайно и убого,—и въ этомъ отношеніи горестно правъ проф. П. В. Знаменскій, что оно «далеко не избаловано благодѣяніями и заботливостію о его участи». Если по правилу «служащіе олтарю, со олтаремъ дѣлятся» св. Апостоль Павель спрашивалъ Коринѳянь (1 Кор. IX, 13, 11): «аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ?»—то его преемники у насъ по градамъ и весямъ принуждены были повторять совсѣмъ иное апостольское изреченіе (1 Тим. VI, 8): «имѣюще пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ», а иногда приходилось сохранять второе, не располагая даже первымъ. И. Т. Посошковъ (въ началѣ XVIII вѣка) утверждалъ, что священство есть «дѣло святое... и возвышено вышши облакъ, подъ небесемъ сущихъ», но—по его же свидѣтельству—оно испытывало всякія «пакости» въ лицѣ русскихъ пастырей, которые «ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны: мужикъ за соху—и попъ за соху, мужикъ за косу—и попъ за косу», такъ что въ концѣ XVII столѣтія Псковскій митрополитъ Маркелль жаловался (въ 1685 году Ивану и Петру Алексѣевичамъ), что «церквами архіереи не владѣютъ, а владѣютъ мужики, а священники бѣдные и причетники у нихъ ничего не смѣютъ». Не смотря на все это, русскій писатель съ нѣмецкою фамиліей Фонъ-Визина потомъ сочинилъ и пустилъ въ ходъ злую клевету, не чуждую и нашему времени, будто на таинствахъ «пастыри карманы набиваютъ», между тѣмъ Самъ Христосъ сказалъ (Мѡ. X, 10), что «достоинъ есть дѣлатель мзды своея», а по Апостолу (1 Кор. IX, 14) «и Господь повелѣлъ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити». По безупречному сужденію святителя Филарета,—чтобы «разрядъ людей», назначенныхъ «для служенія религіи, для освященія народа общественною молитвою и священнодѣйствіями, для распространенія и непрерывнаго поддержанія въ народѣ уче-

нія религія и сообразныхъ съ нею правилъ жизни, — чтобы сей разрядъ полнѣе и безпрепятственнѣе преданъ былъ своему назначенію, надобно; чтобы онъ обезпеченъ былъ въ потребностяхъ жизни»; однако и сейчасъ слышится такой горестный вопль (о. С. Подгаецкаго, Какъ понимается авторитетъ православнаго священника, Кіевъ 1911, стр. 43): «когда св. апостоль пос- тавлялъ на видъ первоначальнымъ христіанамъ свою самоотвер- женность въ заботѣ о своемъ кускѣ хлѣба, — то священнику ли (рус- скому) не указать на ту же самоотверженность, которую несетъ онъ цѣлые вѣка, — и при томъ несетъ оклеветанный, униженный?» Страшно вспоминать ужасающіе примѣры, какъ въ наши дни псаломщикъ грѣховно покончилъ съ жизнью, оставивъ лакони- чески потрясающую записку, что ему «надоѣло голодать» (см. у о. А. К. Рождественскаго на стр. 7).

Да, сурова участь и тяжела доля приходскаго русскаго духовенства, — и едва ли все это скоро и существенно улуч- шится созданиемъ прихожанской подневольности и чиновни- ческой подотчетности, гдѣ будутъ повѣрять у него каждый грошъ. Призванный быть свѣтильникомъ въ своемъ округѣ, — всякій пастыръ долженъ держать и себя и всю семью на при- личномъ уровнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, терпя великія само- ограниченія и непрестанныя лишенія, но ихъ чаще всего не хотятъ видѣть, а только всегда требуютъ, чтобы онъ стоялъ на высотѣ своего званія и вмѣстѣ съ прямымъ церковнымъ служеніемъ безмездно и регулярно исполнялъ огромную массу чисто-гражданскихъ повинностей по государственнымъ потреб- ностямъ. Еще болѣе горестна судьба духовнаго сиротства, — и по личному неизгладимому опыту слишкомъ хорошо чувствую доселѣ, какъ здѣсь каждый шагъ впередъ совершается съ кровавыми ранами и душевными муками, которыя далеко не у всѣхъ сопровождаются даже самымъ скромнымъ успѣхомъ. Безотраднo положеніе и заштатнаго духовенства, безпризорнаго и безпомощнаго, когда оно — съ оставленіемъ мѣста — не рѣдко лиша- ется всякаго крова, не имѣя обезпеченныхъ пріютовъ для скром- наго покоя и сосредоточенной молитвы. А вѣдь каждый изъ насъ живетъ духовно-христіански лишь черезъ пастырство. Оно встрѣчаетъ наше земное бытіе, воцерковляетъ и пріобщаетъ къ благодатному царству Христову, освящаетъ всѣ важнѣйшіе

моменты небесными благословеніями, растворяетъ всѣ наши скорби и радости божественными утѣшеніями и высшими упованіями и всякаго провожаетъ въ «путь всея земли» свѣтлыми обѣтованіями вѣчной блаженной жизни. Получая отъ духовенства столь многія и великія блага, мы—міряне—обязаны,— по Апостолу (2 Кор. VI, 13),—распространиться въ равное возмездіе. И вотъ теперь полагается починъ этому святому дѣлу среди ужасовъ страшнаго кровопролитія не только по ожиданію множества жертвъ въ рядахъ духовенства, но—еще болѣе того—по сердечному христіанскому вѣрованію, что какъ Церковь возросла на крови мучениковъ, такъ и это начинаніе въ пользу служителей Церкви оживотворится священной искупительною кровію поборающей за правду Христову Россіи, а пастыри и члены клира приобрѣтутъ особую бодрость отъ сознанія, что—при возможныхъ жизненныхъ превратностяхъ—имъ гарантируется свобода духа для усердной и безраздѣльной молитвы о всѣхъ и за вся, о мирѣ всего міра, о всякой душѣ христіанской, скорбящей же и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей. Это вовсе не погашеніе неоплатнаго долга нашего не по одной взаимной несоизмѣримости, а главнымъ образомъ потому, что—даже при самой искренней готовности къ исполненію—все должное совершается не столько съ радостію, сколько воздыхающе (Евр. XIII, 17), между тѣмъ христіанская взаимопомощь осуществляется «не отъ скорби, ни отъ нужды: добротна бо дателя любить Богъ» (2 Кор. IX, 7). Не по теоретическому расчету и не по формальнымъ мотивамъ возникаетъ настоящее учрежденіе, являющееся чистою жертвой христіанскаго благодаренія. Оно есть плодъ духовнаго порыва и возвышеннаго вдохновенія съ глубокою вѣрой въ божественную зиждительность для него по всей Руси великой. Посему и при освященіи самаго начала позвольте именемъ всѣхъ участниковъ провозгласить святія слова всецѣлой преданности и живого упованія:

вѣрою и любовію пристѣпимъ!

Профессоръ Николай Глубоковскій.

Петроградъ 1916, IV, 9—Великая суббота.

1916, IV, 12—Свѣтлый вторникъ.